

О.А. СУЛЕЙМАНОВА
(Москва)

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ*

Рассматривается академический дискурс с точки зрения репрезентации в нем одного из актантов – фигуры Другого, представленного как эксплицитно, так и имплицитно. Предложено описание типов эксплицитированного Другого, а также средств его имплицитной репрезентации, причем как на уровне синтаксических конструкций, так и на уровне лексики.

Ключевые слова: академический дискурс, фигура Другого, эксплицитный, имплицитный актант.

С именем и работами Владимира Ильича Карасика в современном лингвистическом мире связаны ключевые представления дискурсивной лингвистики и в целом становление и развитие дискурсивного направления исследований, начиная с типологии дискурса и кончая дискурсивными проявлениями языковой личности [4]. К одному из таких дискурсивных проявлений языковой личности можно, как представляется, отнести взаимодействие говорящего с академическим сообществом в формате академического дискурса, где характер взаимодействия имеет свою специфику, обусловленную форматом взаимодействия, или «доминирующей тональностью общения» [Там же].

Фигура Другого представляет собой универсального партиципанта практически любой ситуации и в силу этого требует от говорящего его учета в процессе коммуникации, в том смысле, что именно на фоне этой универсальной фигуры определяется идентичность самого говорящего в его противопоставлении некоторому Другому. Как отмечает Ж. Отье-Ревю, создается эффект «повсеместного растворенного присутствия Другого в дискурсе» [5, с. 58]. Во-первых, в художественном произведении Другой эксплицитируется в виде об-

ращения как к воображаемому собеседнику (*Мой друг, Отчизне посвятим Души прекрасные порывы; Друзья мои, прекрасен наш союз* (А. Пушкин); *Мой милый, что тебе я сделала* (М. Цветаева); *Что мне спеть в этот вечер, синьора, Что мне спеть, чтоб вам сладко спалось* (А. Блок)), так и в диалогах героев произведения (*Вы полагаете, все это будет носить? – Я полагаю, что следует шить*). Во-вторых, это проявление взаимодействия героев с иными эксплицитно обозначенными персонажами.

Данная фигура способствует созданию полифонии художественного произведения (М.М. Бахтин), его многоплановости и в принципе составляет основу произведения, поскольку герой произведения возникает и существует именно на основе противопоставления социуму и на его фоне, во взаимодействии с Другими. Важно подчеркнуть, что Другие в литературе обычно эксплицитированы и наделены определенными ролями. Отметим также, что художественное произведение не рассчитано на прямое взаимодействие с читателем – это может быть отсроченный контакт, который не всегда предполагает эксплицитированную реакцию.

В академическом дискурсе иная ситуация – ученый адресует послание научной обществу, ожидая и предвидя определенный отклик со стороны других ученых, без которого его работа не имеет смысла. В связи с этим в данном типе дискурса фигура Другого обретает особую значимость: академический дискурс в большей степени ориентирован на взаимодействие с сообществом и возможное ему противодействие по ряду значимых для исследователя моментов, и именно в таком взаимодействии развивается наука [6]. В научном общении ведется непрерывный диалог с неким Другим, как эксплицитированным, так и имплицитным, с которым говорящий также непрерывно взаимодействует. Ниже в качестве примера академического дискурса рассматривается работа В.И. Карасика [3], из которой и взято большинство примеров, иллюстрирующих репрезентацию фигуры Другого в академическом дискурсе.

Рассмотрим типы Другого в академическом дискурсе. Начнем с эксплицитированного «собеседника»: он может быть представлен как агент некоторого события, обозначенный именем в форме именительного падежа: *как утверждает Л.В. Щерба в статье...; Ис-*

* Статья публикуется в рамках V Международной научно-практической конференции «Коммуникативные технологии в образовании, бизнесе, политике и праве: проблемы и перспективы реализации в современной цифровой среде» (Волгоград, ВГСПУ, 6–8 декабря 2018 г.).

следователи едины в том, что повествования о событиях строятся по определенным моделям; **М.М. Бахтин** вполне резонно критикует противопоставление отправителя и получателя речи. Это может быть семантический субъект, обозначенный именем (существительным) в форме творительного падежа: как убедительно показано **Л.В. Щербой**. Другой также часто получает «метонимическое» представление через упоминание его интеллектуального продукта – обозначение работы (статьи, монографии и др.) или концепции: **Концепция социального действия, разработанная Ю. Хабермасом** (Habermas, 1984), предполагает более широкий подход к предмету нашего рассмотрения (в данном случае вообще выстраивается сложное взаимодействие, полилог – Ю. Хабермас – автор монографии В.И. Карасик и читатель); в *статье Л.В. Щербой* показано, как... (ср.: Эта сентенция перекликается с известным прецедентным **текстом К. Маркса**: «Иностранный язык есть оружие в жизненной борьбе»; В приведенном афоризме видна связь с хорошо известной поэтической **строкой Ф.И. Тютчева** «Мысль изреченная есть ложь», при этом великий русский **поэт** говорит о невозможности полного самовыражения).

Фигура *Другого* также может эксплицироваться локативным / пространственным уточнителем, метонимически связанным с соответствующим деятелем: **В прагмалингвистике в качестве минимальной единицы коммуникации рассматривается речевое действие; В нарратологии сюжетные мотивы часто обозначаются предикатами, выражающими суть этих единиц** (ср.: в лингвистике в таком случае принято говорить о X-е как...).

Однако особый интерес с точки зрения воплощения фигуры *Другого* вызывает имплицитный актант, с которым ведется диалог. Такой актант системно представлен, например, в неопределенно-личных конструкциях с нулевым местоимением, как и в принципе в большинстве случаев использования нулевых местоимений (в лингвистике) считают; допустим, что X.

Рассмотрим такие случаи. Начнем с высказываний с нулевым местоимением *мы* – наиболее диалогичным. В зависимости от лексического значения предиката можно выделить инклюзивное (более диалогичное) или эксклюзивное *мы*: **Отметим сразу же, что по этой логической схеме уступительности... строятся многие афоризмы, в том числе и шутливые; Обратим внимание на тональность**

комментариев, обратим внимание на полярную расстановку оценок; Рассмотрим некоторые сюжетные мотивы в художественных произведениях единой тематики, но разных жанров и эпох. В приведенных высказываниях автор приглашает собеседников к совместному действию, тогда как в высказывании **Нарисуем** схему X-а маловероятно включение собеседника в данное действие.

Взаимодействие с *Другим* может принимать форму разнообразных безличных и неопределенно-личных структур. Как показано в [7], неопределенно-личные предложения (с нулевым местоимением третьего лица в форме множественного числа) вносят информацию об участии в описываемом событии членов социума, границы которого заданы либо общим контекстом, либо пространственными указателями, представляющими метонимические обозначения совокупностей лиц (у нас в институте), ср.: При этом **постулируется, что закон обязателен для всех; Допускается вероятность случайного и намеренного нарушения таких норм; Предполагается, что решение о квалификации нарушения норм и о мере наказания принимает тот, кто занимает высшую ступень в социальной иерархии.**

Конструкции с риторическим вопросом также «маскируют» диалог, придавая динамизм повествованию и вместе с тем повышая иллюкутивную силу высказывания, поскольку вовлекают реципиента в активное «слушание», заставляя адресата – в режиме опережения – пытаться ответить на заданный вопрос: **Существуют ли эти люди? Ответы на такие вопросы мы даем только самостоятельно, и не исключено, что в разное время и в разных ситуациях наши ответы будут разными** (по нашим наблюдениям, риторический вопрос как проявление диалога в принципе не используется В.И. Карасиком в цитируемой работе, и приведенный редкий пример такого вопроса фактически сразу же получает ответ у самого автора). В ряде случаев это некий внутренний диалог с самим собой – **Для чего мы рассматриваем здесь именно эту конструкцию?**

Распространенные пояснения, вводимые через *то есть* (С точки зрения прагматики развития сюжета такие мотивы представляют собой сюжетные приемы, т. е. определенные смысловые инструменты организации опыта для передачи тех или иных ценностей), по мнению Ж. Отье-Ревю, также представляют собой средства диалогичности дискурса. Далее, предикаты потенциальности, со-

держающие модальные показатели типа *возможно, необходимо*, имплицитно взаимодействуют с научным сообществом, когда говорящий не «закрывается» от него, он солидаризируется с возможным собеседником, приглашая его к диалогу. В самом деле, любое *можно* фактически провоцирует собеседника на то, чтобы «проверить», действительно ли *можно*, равно как *необходимо* – действительно ли это необходимо: *Парадоксальный вывод, возникающий в результате контаминации этих высказываний, можно сформулировать следующим образом; Можно констатировать, что на наших глазах возникает новая функция средства массовой информации – формирование клубов по интересам; Типология манипулятивных действий может быть построена на различных основаниях; По признаку изменения морального капитала можно выделить манипуляции, результатом которых является повышение статуса субъекта действия.* При этом наряду с приглашением к когнитивному взаимодействию показатели (эпистемической) модальности приносят представление о некатегоричности или, напротив, категоричности дискурса, формируя образ ученого как толерантной личности, открытой к взаимодействию и готовой к учету иной точки зрения (в этом смысле исследование идиостиля ученого позволяет реконструировать его личность).

Далее, в языке представлено большое число лексических маркеров имплицитного взаимодействия: *вероятно, по всей видимости, отнюдь* и др. [6], например: *известная английская сентенция учит нас терпению, действительно, когда ждешь чего-то, время долго тянется*, где автор, приведя точку зрения *Другого* (английская сентенция = англичане), соглашается с ней. В высказывании со словом *впрочем* (*Впоследствии, впрочем, мы узнаем, что Грендель был заговорен против любого металлического оружия*) автор соотносит свое высказывание с тем, что было высказано им самим ранее, возникает некий квазидialog. В предложении *Определенная доля истины в этом критическом замечании есть* автор взаимодействует с ранее обозначенным замечанием «собеседника» через обозначение своего согласия (*определенная доля истины* – истина как репрезентант собеседника).

Как представляется, лексические и синтаксические средства репрезентации *Другого* нуждаются далее в более системной типологизации и дискурсивно-семантическом анализе в диалогической перспективе. Особого внимания заслуживает также оценочность академического дискурса как предполагающая осо-

бое взаимодействие с академическим сообществом, с *Другими*. Действительно, оценка призывает все жанры академического дискурса, являясь, например, онтологическим свойством такого жанра академического дискурса, как отзыв о диссертации [2]. Оценка напрямую связана с ценностной составляющей академического дискурса (см., например, [1]).

Функционирование оценочных категорий интересно рассмотреть на примере таких жанров академического дискурса, в которых оценочность является целью (например, на материале отзывов научного консультанта или научного руководителя о работе соискателя ученой степени доктора или кандидата наук). Иными словами, оценке подлежит продукт когнитивной деятельности *Другого*, и, таким образом, оценочность является онтологическим свойством данного жанра. Проведенное исследование 100 отзывов позволило А.А. Водяницкой прийти к выводу, что оценочной категоризации подвергаются личностные качества исследователя и его научные достижения [2, с. 183–184].

Проведенное исследование особенностей академического дискурса с точки зрения представленности в нем *Другого* (под *Другим* при этом понимается как эксплицитно обозначенный участник академического социума, так и имплицитный; в область *Другого* также включен и сам исследователь, через отсылку к своему прежнему мнению) позволило выделить совокупность синтаксических конструкций, а также и лексических средств обозначения *Другого* в академическом дискурсе.

Как представляется, выявление исчерпывающего набора языковых средств маркирования *Другого* составляет перспективную задачу лингвистики.

Список литературы

1. Водяницкая А.А. Имплицитные ценностные смыслы в учебных пособиях по написанию научных работ // Эксплицитное и имплицитное в языке и речи: тез. докл. Междунар. науч. конф. Минск: МГЛУ, 2017. С. 137–139.
2. Водяницкая А.А. Когнитивные основания оценки в академическом дискурсе // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIII: Когнитивные исследования в гуманитарных науках: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Тамбов: Принт-Сервис, 2018. С. 181–186.
3. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград: Парадигма, 2015.
4. Карасик В.И. Языковое проявление личности. Волгоград: Парадигма, 2014.

5. Отье-Ревю Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме другого в дискурсе // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. С. 54–94.

6. Сулейманова О.А. Академический дискурс как непрерывный диалог с Другим // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия. М.: Ленанд, 2018. С. 180–198.

7. Сулейманова О.А. Проблемы русского синтаксиса: Семантика безличных предложений. М.: Диалог-МГУ, 1999.

* * *

1. Vodjanickaja A.A. Implicitnye cennostnye smysly v uchebnyh posobijah po napisaniju nauchnyh rabot // Jeksplicitnoe i implicitnoe v jazyke i rechi: tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. Minsk: MGLU, 2017. S. 137–139.

2. Vodjanickaja A.A. Kognitivnye osnovanija ocenki v akademicheskom diskurse // Kognitivnye issledovanija jazyka. Vyp. XXXIII: Kognitivnye issledovanija v gumanitarnykh naukah: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem. Tambov: Print-Servis, 2018. S. 181–186.

3. Karasik V.I. Jazykovaja spiral': cennosti, znaki, motivy. Volgograd: Paradigma, 2015.

4. Karasik V.I. Jazykovoe projavlenie lichnosti. Volgograd: Paradigma, 2014.

5. O'te-Revju Zh. Javnaja i konstitutivnaja neodnorodnost': k probleme drugogo v diskurse // Kvadratura smysla: francuzskaja shkola analiza diskursa. M.: Progress, 1999. S. 54–94.

6. Sulejmanova O.A. Akademicheskij diskurs kak nepreryvnyj dialog s Drugim // Diskurs kak universal'naja matrica verbal'nogo vzaimodejstvija. M.: Lenand, 2018. S. 180–198.

7. Sulejmanova O.A. Problemy russkogo sintaksisa: Semantika bezlichnyh predlozhenij. M.: Dialog-MGU, 1999.

Features of a language personality in academic discourse

The article deals with the academic discourse in which one of the actants is represented as “the Other”, both explicitly and implicitly. The author proposes a description of the types of the explicated “Other”, as well as the means of its implicit representation, both at the level of syntactic structures and vocabulary.

Key words: *academic discourse, the Other, explicit, implicit actant.*

(Статья поступила в редакцию 01.11.2018)

Е.В. БАСТУН
(Краснодар)

О ПРИЕМАХ МАНИПУЛИРОВАНИЯ В УСТНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Рассматриваются особенности речевого манипулирования в политическом дискурсе. Анализируются лингвистические приемы, используемые для достижения политических целей и создания манипулятивных стратегий в американском политическом дискурсе.

Ключевые слова: *речевая манипуляция, языковые средства, фигуры речи, лексическая номинализация, уровни языка, манипулятивные стратегии.*

Главная цель политического дискурса – это борьба за власть. В этой борьбе различные фонологические, лексические средства, морфологические категории используются во взаимодействии как инструмент речевой манипуляции. Существует ряд определений манипулирования «искусное побуждение другого к достижению (преследованию) косвенно вложенной манипулятором цели» [4, с. 60].

Мы, как и И.А. Стернин, считаем, что манипуляция – это «воздействие на человека с целью побудить его сделать что-либо (сообщить информацию, совершить поступок, изменить свое поведение) неосознанно или вопреки его собственному желанию, мнению, намерению» [5, с. 27].

В условиях предвыборной борьбы кандидаты завоевывают электорат путем манипулирования сознанием своих избирателей, используя различные стилистические приемы, синтаксические конструкции, языковые средства. На фонографическом уровне манипуляция осуществляется с помощью специальной звуковой и графической регистрации сообщения. Такие фонетические средства, как тембр, распределение голоса, интонация и паузы, в большей степени свойственны устной речи. Однако некоторые средства манипулирования фонографического уровня присутствуют как в устной, так и в письменной речи: аллитерация, рифма и ритмизация.

... an incredible and great movement, made up of millions of hardworking